

БЫЛИНЫ

РУССКИЕ
НАРОДНЫЕ
СКАЗКИ

ДРЕВНЕРУССКИЕ
ПОВЕСТИ

МОСКВА

«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1979

ПЕРВЫЕ ВЕКА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Русской литературе тысяча лет. Мы хорошо знаем наших великих писателей-классиков, но мало знакомы с нашей литературой первых семи веков. Каждому русскому человеку хорошо известно лишь «Слово о полку Игореве». А между тем наша древняя литература богата произведениями самых различных жанров. Летописи рассказывали об истории нашей страны, начиная с древнейших, еще дописьменных, времен и кончая событиями бурного XVII века. Жизнеописания («жития») повествовали о жизни отдельных людей. В древнерусской литературе есть произведения ораторского искусства, описания путешествий («хождений») на Восток или в Западную Европу, сочинения публицистические, направленные на искоренение общественного зла и несправедливостей, призывающие к правде и добру. Есть целый ряд так называемых «воинских повестей», посвященных борьбе русского народа с иноземными врагами: с печенегами, половцами, монголо-татарами, немецкими рыцарями. Сохранились повести, рассказывающие о княжеских междоусобицах и преступлениях. Эти повествования полны боли за неправду, за страдания, приносимые людям и всей стране. В XVII веке появляются повести бытового характера. В конце того же века возникают сочинения драматические и стихотворные.

Древнерусская литература, как вы видите, богата памятниками письменности. Была же она еще богаче. Ведь из всей ее сокровищницы до нас дошла лишь небольшая часть. Остальное уничтожено в огне пожаров, расхищено врагами, погибло от

хранения в сырых помещениях, из-за нерадения и равнодушия людей.

Нам древнерусская литература представляется особенно значительной, потому что в ней есть черты, созвучные нашей эпохе. Произведения нашей древности отмечены высокой гражданственностью, искренней любовью к родине. Писатели, отделенные от нас многими веками, гордились величию Руси, ее обширностью, красотой, «светлой светлостью и красной украшенностью» ее полей и лесов, «дерзостью» (смелостью) русских людей, их высокими нравственными качествами. Истинный патриотизм древнерусских авторов проявлялся и в том, что они смело писали о недостатках и преступлениях князей.

Произведения Древней Руси пленяют целомудренной чистотой. Древнерусская литература не задерживается на описаниях жестокостей, не лелеет мечту о возмездии врагам. Она призывает к возвышенному, хорошему. В ней мы находим благородные идеалы. Почти каждый писатель Древней Руси мог бы, подобно А. С. Пушкину, сказать о себе, что он «чувства добрые» пробуждал своим творчеством. Он мог бы заявить вместе с Н. А. Некрасовым, что он «сеял разумное, доброе, вечное». Поэтому произведения древнерусских авторов так живо отвечают нашему времени и возросшей в нашей стране потребности добра и доброты.

Для древней русской литературы, как и для русской литературы в целом, характерно жизнеутверждение, светлость и ясность. Возьмем, например, наиболее трагичную «Повесть о разорении Рязани Батыем». Что может быть ужаснее! Войско разбито, все князья до единого полегли на поле брани, город взят, разграблен, сожжен, почти все жители перебиты. Остались только «дым, земля и пепел». Но в повести нет отчаяния, нет уныния. Самый плач о князьях русских — прославление их доблести, гордость тем, что такие князья были. И завершается повесть мажорным аккордом: приезжает случайно оставшийся в живых один из рязанских князей, воздаст должное убитым, хоронит их с честью, собирает оставшихся в живых жителей, восстанавливает город, и все заканчивается всеобщим умиротворением. Эта стойкость духа поразительна.

Еще одно свойство древнерусской литературы особенно привлекает в наше время: старинные русские писатели с глубоким уважением относились к другим народам, к их обычаям, их верованиям. Терпимость проявляется в отношениях между русским воеводой Претичем и печенежским князем в «Повести временных лет», в «Сказании о траве емшан», передающем половецкое предание, в проповедях епископа владимирского Серапиона, который писал о муках русских людей при татарском гнете, сетовал

об утрате былой славы Руси и в то же время говорил о моральных достоинствах татар. Уважение к другим народам, сочувствие их бедам звучит с особой силой в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина.

Даже в повестях, описывающих борьбу с врагами, например в «Сказании о Мамаевом побоище», автор отмечает боевую доблесть врагов и считает и русских и татар детьми одной матери — Земли. Совершенно удивительно звучит восхищение мужеством врагов в «Казанской истории» — произведении, посвященном многовековой борьбе русских с казанцами.

В новой русской литературе XVIII—XX веков продолжают лучшие традиции литературы древней. Однако древняя словесность имеет свои особенности, отличающие ее от литературы нового времени.

В искусстве слова нового времени мы имеем дело с отдельными авторами, а древняя литература, хотя и сохранила ряд имен писателей — Иларион, Нестор, Кирилл Туровский и многие другие, — в целом была творчеством коллективным. Если в новое время произведения классической литературы печатаются в том виде, в каком их написал автор, то произведения старинных писателей в течение веков изменялись разными переписчиками. Каждый новый переписчик то несколько сокращал текст, то стремился «украсить» изложение, то менял общую направленность произведения. Он приспособлял труд своего предшественника к литературным вкусам и идейным требованиям своего времени. Так возникали новые виды, или, как принято говорить, редакции одного и того же памятника. Такое положение близко устному народному творчеству: каждый сказочник рассказывал по-своему одну и ту же сказку, каждый сказитель пел одну и ту же былинку по-иному, что-то добавляя или опуская.

Во все новых и новых редакциях памятники древнерусской литературы жили, сохраняя в себе основные первоначальные черты и приобретая новые. Редкие памятники сохранились до нас в том виде, как они были впервые написаны, большинство из них дошло в более поздней переписке, «списках».

Древнерусская литература, в отличие от новой, не знала вымышленных героев или сюжетов. В древних повестях всегда действовали исторические лица, описывались исторические события. Даже если автор вносил в свое повествование чудесное, фантастическое, то это не был сознательный вымысел, потому что сам писатель и его читатели верили в правдивость описываемого. Сознательный вымысел появился лишь в литературе XVII века. Да и то он, как правило, прикрывался ссылками на исторические события. Так, вымышленный герой одной из пове-

стей XVII века Савва Грудцын оказывается в русском войске боярина Шеина, осаждавшем Смоленск.

Мы привыкли, чтобы произведения, которые мы читаем, были занимательными. Занимательность же для нас в основном связана с быстрым развитием сложной фабулы. Писатели Древней Руси тоже, конечно, стремились заинтересовать читателя. Но фабула их проста, повествование ведется спокойно, неторопливо.

Люди Древней Руси читали книги истово, не спеша, перечитывая одно и то же произведение по нескольку раз, благоговейно ища в нем наставлений, советов, либо изображения значительных событий из истории своей страны или других стран. Недаром книги образно сравнивались с глубиной морской, а читатель — с искателем жемчуга.

Одним из достижений литературы нового времени было то, что она стала изображать обыденное, что ее действующие лица были такие же люди, как каждый из нас. В древнерусской литературе нет просто действующих лиц — есть герои, совершающие великие подвиги на поле брани или нравственного совершенствования. Подобно фольклору, литература останавливалась только на событиях исключительных, она не снисходила к читателю, а стремилась поднять его до своих вершин.

В литературе древней не было стихов, но была поэзия. Только образность этой поэзии иная, чем в новое время, нам надо к ней привыкнуть, понять ее. Образы рождались как бы сами собой. Мы бы сказали: «Приеду весной», а человек XI—XVII веков писал: «Приеду, как только на деревьях лист расцветет». Древние авторы не писали, что кто-то много сделал для родины, они писали: «Много пота утер за отчизну свою»; мы бы сказали: «Враги бежали», а древний книжник писал: «Показали плечи свои». Они любили гиперболы: имя Александра Невского, по словам его биографа, было прославлено «по всем странам до моря Египетского и до гор Араратских». Древнерусские авторы часто прибегали к сравнениям: воины сравнивались с соколами, летящие стрелы — с дождем, враги — со свирепыми зверями.

В древнерусских произведениях вы найдете множество примеров ритмической речи. Вот как описана Лиственская битва в «Повести временных лет»: «Когда сверкала молния, блистало оружие, и была гроза велика, и сеча сильна и страшна».

Поэтичность древнерусской литературы в значительной степени связана с ее близостью к устному народному творчеству. В наше время литература и фольклор строго разграничены. Писатели XVIII—XX веков обращаются к фольклору, но никогда не становятся сказителями. В древней русской литературе

было иначе. Писатели, подобно сказителям, создавали эпические произведения. Эпичны не только начальные сказания «Повести временных лет», основанные на устных преданиях — об Олеге, Игоре, Ольге, Владимире, о юноше-кожемяке и белгородских колодцах. Эпичны и более поздние произведения XV, XVI и даже XVII века. Во многие повествования, которые являются образцами высокой риторики, органично входят эпические части. Таков рассказ об Евпатии Коловрате в «Повести о разорении Рязани Батыем», о шести мужах храбрых в «Житии Александра Невского». В ткань многих произведений вплетаются народные песни — например, в «Повесть о князе Скопине-Шуйском». Как лирическая песня построена литературная в своей основе «Повесть о Горе-Злочастии». А какие прекрасные народные плачи можно найти в летописях и повестях! Помимо плачей в литературе звучат и прославления — «славы». Обрядовая по своему происхождению, языческая поэзия была живым источником, к которому все время обращались писатели.

Но не надо преувеличивать значение устного народного творчества в литературе Древней Руси. При всей близости к фольклору это была литература письменная (слово «литература» от латинского *litera* — буква), при этом литература очень высокая, искусная, художественная. Она возникла еще в X веке вместе с принятием христианства под влиянием потребностей церкви и государства.

С принятием христианства (988 год) из славянской Болгарии, переживавшей в то время культурный расцвет, на Русь были привезены книги. Часть книг переписывалась с болгарских на Русь. Древнеболгарский язык, называвшийся на Руси церковнославянским, потому что на нем писались богослужебные книги, был близок древнерусскому и хорошо понимался русскими читателями того времени. Церковнославянский язык, гибкий и тонкий, способный выражать самые сложные отвлеченные идеи, чрезвычайно обогатил древний русский язык, сделал его более выразительным. До сих пор в нашем языке живут синонимы: русское — глаза, славянское — очи; русское — небо, славянское — небеса и пр. Западные католические страны объединяла латынь, славянские страны — церковнославянский язык.

Повести, которые в переводах или переложениях даны в этой книге, написаны в основном на древнерусском языке. Древнерусский литературный язык был очень разнообразен: он был и деловым, близким к разговорному, и высоким — близким к церковнославянскому или просто тождественным с ним. В нем встречаются славянизмы — в словах, даже в грамматическом строе.

Но все же русские писатели пользовались чаще всего не славянским, а русским языком. Русский же язык является восточной ветвью славянского языка, как польский или чешский — западной, а сербский и болгарский — южной.

С конца X — начала XI века на Руси появляются переводные книги самых разнообразных жанров, стилей и назначений. Тут и библейские исторические книги, и византийские хроники, и лирические песнопения, то радостные, то полные скорби и печали. Возникают собрания произведений ораторских, восходивших к искусству красноречия античности, и сборники афоризмов — кратких изречений мудрости, как правило, античного и восточного происхождения. Привозились на Русь книги природоведческие, авторы которых описывали природу и восхищались гармоничностью мироустройства. Эти книги, конечно, не были научными трактатами, но вдохновенные гимны красоте природы отвечали запросам людей того времени. Некоторые переводы делались в южно-славянских странах, другие — на Руси. Мастерство перевода было очень высоко. То, что тысячелетиями создавалось творческим гением народов Греции, Иудеи, Египта, Сирии и других стран, пришло на Русь и стало достоянием русских людей. Космические образы поражали воображение, неизвестные прежде художественные приемы вызывали подражание. Таким образом русские писатели воспитывались на лучших образцах мировой литературы. Эти же образцы питали и среднесвскую литературу Западной Европы, вот почему в русской и западноевропейской литературе много общего.

Исторические книги, в первую очередь византийские хроники, побудили древнерусских книжников уяснить место Руси среди других стран мира. Этот интерес был удовлетворен «Повестью временных лет», древнейшей из дошедших до нас русских летописей, созданной в первой четверти XII века. Но еще раньше, в первой половине XI века, при Ярославе Мудром, исторические записи велись в упорядоченной форме: они располагались в хронологическом порядке — по годам, по «летам», отсюда и получила свое название летопись.

Древнейшие летописи велись одновременно в Киеве и в Новгороде. В них включались документы, представлявшие исторический интерес, и отдельные произведения, посвященные тем или иным эпизодам истории или жизни князей и подвижников, которые принимали участие в событиях, имевших общенародное значение.

В первой половине XI века появились на Руси «слова» (речи). От сороковых годов XI века сохранилось «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона, замечательное своей стройностью и разработанностью ораторских приемов. Иларион был

«русин» (русский) родом, священник загородной церкви Спаса в селе Берестове под Киевом (церковь эта сохранилась до наших дней). Ярослав Мудрый назначил его митрополитом, главой всей русской церкви (первое время митрополиты обычно назначались из Константинополя и были греками). В «Слове о законе и благодати», произнесенном в присутствии Ярослава Мудрого и его семьи, Иларион дает своеобразный обзор мировой истории и утверждает религиозное равноправие «новых людей», то есть недавно приобщенных к христианству русских, с остальными народами христианского мира. Он вспоминает первых русских князей (еще язычников), которые «мужеством и храбростью прослыли в странах многих и победами и крепостью поминаются ныне и славятся». Особенно восхваляет Иларион Владимира, крестившего Русь. Он «не в худой и не в неведомой земле владычествовал, но в Русской, иже <которая> ведома и слышима есть во всех концах земли». Восхваляет он и сына его Ярослава, распространяющего просвещение на Руси, и Киев за красоту и величие. По его словам, храма, подобного Софии в Киеве, не найти «во всем полунощии земном» (то есть ни в одной другой северной стране) «от востока и до запада». (Кстати, красотой Софийского собора восторгались и иностранцы.)

Примерно в это же время, то есть в XI веке, появляются первые поучения — Феодосия, основателя Киево-Печерского монастыря, новгородского епископа Луки и других деятелей церкви. Но наибольший интерес представляет «Поучение» киевского князя Владимира Мономаха, написанное на грани XI и XII веков. Мономах обращается ко всем русским князьям. Он призывает их жить в мире, довольствоваться своим уделом (княжением), учит деятельному и справедливому управлению своей землей. Чтобы показать пример, он рассказывает о своих походах и охотах (охота, требовавшая силы и ловкости, считалась одной из важнейших обязанностей князя). Владимиру Мономаху принадлежит и письмо князю Олегу Святославичу (он назван в «Слове о полку Игореве» Гориславичем). Мономах враждовал с Олегом — в битве с Олегом был убит юный сын Владимира — Изяслав. Мономах прощает изгнанного из Руси Олега и предлагает ему вернуться в свое княжество.

Ко времени княжения Владимира Мономаха относится «Хождение» игумена Даниила. Даниил ходил в Палестину, прожил там 16 месяцев. Иерусалим был тогда во власти крестоносцев. Король крестоносцев Болдуин с почетом принял русского паломника. В главном иерусалимском храме игумен зажег лампаду «от всей Русской земли». Свое путешествие Даниил описал с большою точностью, лаконично и выразительно.

После смерти Владимира Мономаха, со второй четверти

XII века, Русская земля все более и более дробится на отдельные княжества. Значение Киева, как центра Руси, ослабевает. Усиливается Владимиро-Суздальское княжество, Галицко-Волынское. Все сильнее становится натиск степных врагов Руси — половцев. Однако культурное развитие продолжается. Появляется множество разнообразных литературных произведений. Не ослабевает и сознание исконного единства Руси. Писатели обеспокоены тем, как найти спасение «от стрел, летящих во тьме разделения нашего».

Летописание ведется во многих княжествах Руси. Некоторые из этих летописей становятся подлинно художественными литературными произведениями, живо описывающими события. Особенно интересны и богаты по языку летописи — Киевская, а в XIII веке — Галицко-Волынская. Вот как описывается в Киевской летописи любовь людей к умершему Мстиславу Храброму (1180 год): «И плакала о нем вся Русская земля, не в силах забыть доблести его, а черные клобуки <степные народы на русской службе> не могут забыть приголубления его». В древнерусском языке были прекрасные отглагольные существительные. Глагол «приголубить» живет до сих пор, а вот «приголубление» мы не говорим.

Чтобы оценить необычную для современной литературы образность Галицкой летописи, приведем в качестве примера воспоминание летописца о князе Романе Галицком (умер в 1201 году): «Он устремлялся на поганых <язычников>, как лев, сердит был, как рысь, губил, как крокодил, переходил их страну, как орел, храбр был, как тур».

Большой интерес представляет и несколько книжная Владимиро-Суздальская летопись и написанная на народном языке Новгородская. Готовность идти за князем новгородцы выражали так: «Куда, княже, ты очами взглянешь, туда мы бросимся головами своими». Прогоняя князя, говорили кратко: «Ты — себе, а мы — себе».

Идеи единства Руси, необходимости всем князьям сплотиться, отражены в памятнике 1172 года — «Слове о князях», в котором осуждаются княжеские усобицы. Обращаясь к князьям, автор говорит: «Своей славы и чести вы лишитесь за свое злопамятство и вражду!»

Вершиной литературы XII века является «Слово о полку Игореве» — произведение, характерное для этого столетия, когда искусство слова достигло высокого развития, а сознание необходимости сохранить единство Русской земли было особенно сильным.

«Слово о полку Игореве» посвящено походу на половцев князя небольшого Новгород-Северского княжества Игоря Свято-

славича в 1185 году. Войско Игоря Святославича было разбито половцами, а сам Игорь и остальные участвовавшие в походе князья попали в плен. Такого жестокого поражения еще не бывало в русской истории. Поход подробно описан в летописях. До нас сохранились два летописных рассказа. Один в составе Киевской летописи, дошедшей до нас в списке так называемой Ипатьевской летописи, а другой — в составе Владимиро-Суздальской, дошедшей в списке Лаврентьевской летописи¹. Оба рассказа подробно и живо описывают поход Игоря Святославича. Но «Слово о полку Игореве» написано в иной манере, нежели летописные повести. Автор «Слова» стремится не столько последовательно изложить все события похода, поражение и бегство из плена Игоря, сколько размышляет о причинах поражения и предается лирическим сетованиям по поводу раздоров князей, отсутствия у них единства и призывает дать отпор «степи» объединенными усилиями всех русских князей.

Этот замечательный памятник показывает высокий уровень русской культуры накануне монголо-татарского нашествия. О том же свидетельствуют ораторские произведения Кирилла Туровского, летописи, памятники зодчества, живописи и прикладного искусства этого столетия.

По-видимому, в начале XIII века было составлено «Моление» Даниила Заточника. Стремясь вымолить (отсюда и название «Моление») у своего князя милостыню — помощь и поддержку, а может быть, и прощение за какой-то проступок, Даниил острит и балагурит, горько смеется над своими собственными несчастиями и одновременно восхваляет князя, его могущество и щедрость. Острословие Даниила носит признаки скоморошьего балагурства. Скоморохи — народные актеры Древней Руси забавляли не только народ на площадях, но и князей и бояр во время пиров. Жили они подаяннем, которое получали за сметку, ум, острое словцо; скоморохи развлекали слушателей и зрителей, подчас грубоватыми шутками, выставляли самих себя в смешном свете, и это как бы давало им право безнаказанно смеяться над другими, даже над князем или боярином, шутя резать правду-матку в глаза, обличать неправду и несправедливость.

В 1223 году на границах Руси появились орды монголо-татар. На реке Калке русские были разбиты. Причиной поражения явилась раздробленность русских земель, несогласованные дей-

¹ Ипатьевская и Лаврентьевская летописи — две важнейшие рукописи русских летописей. Первая названа так по своему происхождению из Ипатьевского монастыря в Костроме, вторая — по имени писца, оставившего о себе запись в конце рукописи: «Лаврентий мних» (монах).

ствия князей. Разгромив русское войско и умертвив князей, монголо-татары повернули назад, но в 1237 году новые, еще более многочисленные орды двинулись на Русь во главе с ханом Батыем. Один за другим русские города падали после ожесточенного, но разрозненного сопротивления и уничтожались, иногда со всем своим населением. В 1240 году, после героической осады, пал Киев. Население его было перебито.

Началось трехсотлетнее чужеземное иго, сильно замедлившее развитие русской культуры. Но поступательный ход исторического развития не был остановлен. В раздробленной Руси постепенно стали образовываться три самостоятельных народа: великороссы, главными городами которых были Владимир-Залесский, Суздаль, Ростов, Тверь, Новгород и быстро богатевшая и набиравшая силу молодая Москва; украинцы, объединившиеся вокруг Киева, а на западе вокруг Галича и Владимира Волынского, и белорусы с городами Витебск, Минск, Туров.

Борьба с монголо-татарами стала основной темой русской литературы в течение почти полутора столетий. В летописи сохранилось несколько повестей о Калкской битве 1223 года. Были созданы повести о взятии Батыем Рязани, Владимира-Залесского, Козельска, Киева. Знаменитый проповедник Серапион Владимирский говорил в своих поучениях об ужасах последствия монголо-татарского нашествия: «Вот уже сорок лет продолжают-ся томление и муки, и дани тяжкие, и всласть хлеба своего съесть не можем. И воздыхание наше и печаль сушат кости наши». Что ни предложение, то образ!

В народе ходили легенды о невидимом граде Китеже: будто город этот скрылся от орд Батыев на дне озера Светлояр (или под прибрежными холмами) и остался невредимым. Но попасть в него может только человек «с чистым сердцем и нераздвоенным умом». В конце XIII века создается «Житие князя Александра Невского», защитившего Русь от нападения шведов на Неве и от немецких рыцарей на льду Чудского озера в битве, прозванной в народе Ледовым побоищем. Предисловием к этому «Житию» служило прекрасное и лирическое «Слово о погибели Русской земли». Это небольшая поэма, написанная в духе «Слова о полку Игореве», восхваляющая прошлое величие Русской земли. В каждом из этих произведений говорилось о защите Руси, в каждом подчеркивалось мужество русских воинов и горожан.

В тягостный период «томления и муки» литературные произведения были редкостью, но литературное творчество не умирало. В Твери была написана на основе народных рассказов и песен «Повесть о Шевкале» — о восстании в Твери в 1327 году

против ханского посла Шевкала (в народных песнях он назывался Шелканом). Составляется повесть и о стойком тверском князе Михаиле Ярославиче, героически погибшем в 1319 году в ханской ставке в Орде.

Новый подъем литературы наступает после Куликовской битвы 1380 года, после победы, одержанной русскими войсками под предводительством московского великого князя Дмитрия Донского.

Надежда на полное освобождение возбудила интерес к эпохе национальной независимости. Создаются новые обширные летописные своды, то есть собрания отдельных летописей, соединенных в единый рассказ. Особенно полными были летописные своды московские. Возникают подражания ранним произведениям литературы: летописи находятся под воздействием «Повести временных лет», в памятниках ораторского искусства сказывается влияние «Слова о законе и благодати» Илариона. Вновь и вновь переписываются и становятся образцами для подражания и произведения о монголо-татарском нашествии — например, «Повесть о разорении Рязани Батыем», а также «Житие князя Александра Невского» и «Слово о гибели Русской земли». В духе «Слова о полку Игореве» создается «Задонщина», сочинение «Софония, старца Рязанца». Однако «Задонщина» — не только подражание «Слову», но и своеобразный художественный ответ на «Слово»: «Задонщина» повествует о Донской победе «За Доном», тогда как «Слово» рассказывало о поражении на Каяле.

Интерес к родной истории ведет к расцвету летописания, исторических повестей и, наконец, хронографов — обширнейших сочинений по всемирной истории, заканчивавшихся обычно кратким изложением событий русской истории.

В этот же период постепенно восстанавливаются сношения с другими странами — с Византией и в первую очередь с Болгарией и с Сербией. Новгородцы описывают свои путешествия в Византию. На Русь приезжают сербские и болгарские писатели, во множестве привозятся переводные сочинения и делаются новые переводы произведений исторических, богословских, природоведческих. Создаются произведения, рассчитанные просто на занимательность.

Развитию литературы способствовало в XV веке удешевление писчего материала: в это время вместо дорогого пергамента, особым образом выделанной телячьей кожи, начинают использовать бумагу, которую ввозят с Запада.

Серьезные изменения происходят в литературной манере произведений. Подъем, наступивший после Куликовской победы, привел к развитию так называемого панегирического стиля: стиля пышного и торжественного, витиеватого и сложного; его образно называли «плетением словес» (имелось в виду, что авторы плели словесные венки во славу подвижников и воинов). Наиболее изощренным писателем, работавшим в этом направлении, был Епифаний Премудрый и выходец из Сербии Пахомий Логофет. Оба были писателями-профессионалами, ценителями искусства слова.

К XV веку относится такое тонкое и изящное произведение, как «Повесть о Петре и Февронии Муромских». В «Житии Сергия Радонежского» отражена поэтическая сторона человеческой души, ее формирование в общении с природой. Сергей Радонежский живет как бы своей частной жизнью, но эта частная жизнь неразрывно связана с жизнью всей страны и народа. Даже поселясь в обширных лесах, Сергей озабочен государственными делами, а моральный авторитет его в народе так велик, что заставляет самого великого князя обратиться к нему за помощью и поддержкой перед выступлением в поход против войск хана Мамай.

Громадный интерес к окружающим Русь странам, любознательность путешественника и практический ум торгового человека отразились в «Хождении за три моря» тверского купца Афанасия Никитина. Афанасий Никитин в 1466 году поехал по Волге торговать в Персию, по дороге был ограблен и не мог вернуться в родной город, так как ему нечем было расплатиться за взятые в долг товары. Он продолжал свое путешествие; за «двумя морями» (Каспийским и Индийским) достиг Индии, прожил там более трех лет и на обратном пути, переправившись через Черное море, умер около Смоленска в 1472 году, оставив тетради с записками о своем «хождении». Тетради были оценены по достоинству и привезены в Москву для включения в летопись (в летопись включались все наиболее важные произведения). Афанасий писал свои записки с постоянной мыслью о русских купцах, которые захотели бы торговать в странах, где он путешествовал. Его записи обстоятельны, просты, без литературных прикрас, и в этом их наибольшая ценность. Тонкая наблюдательность, деловитость и обстоятельность делают «Хождение» лучшим европейским историческим источником конца XV века о жизни Индии. «Хождение за три моря» привлекает высоким гуманизмом.

Афанасий Никитин сочувственно относится к судьбе бедных людей Индии, уважает их верования и обычаи и не изменяет своим.

XVI век в России — время образования единого Русского государства со стольным городом — Москвой. К этому времени уже все разрозненные удельные княжества подчинены Москве, в середине же века и крупнейшие татарские ханства: Казанское (1552) и Астраханское (1556).

За объединением Руси естественно последовало объединение русской культуры. Местная книжность, местные школы живописи и архитектуры, местные обычаи сливались в единую общерусскую культуру.

Под руководством митрополита Макария составляется обширное — 12 огромных томов — собрание всех «чтомых» (то есть читавшихся) на Руси книг. Это собрание называлось «Великие Четьи-Минеи». «Минеи» от греческого слова *mineos*, что значит «месяц». В «Великих Четьи-Минеях» были собраны жития святых, поучения, повести, сказания, чтения которых были распределены на каждый день каждого месяца. В «Великих Четьи-Минеях» сказались изменения художественных вкусов: так, древние жития просты по форме и дают много сведений о жизни главного действующего лица. Жития же, написанные для митрополита Макария, торжественны по стилю, в них много риторики, напыщенности, они велики по объему, но фактических сведений в них значительно меньше.

Для истории литературы значительный интерес представляет «Степенная книга» — собрание биографий правителей русского государства. В жизнеописаниях много легенд, зачастую романтического характера. Например, в «Степенной книге» приводится, очевидно, устное предание о том, что будущая княгиня Ольга была простой крестьянкой: однажды она перевозила князя Игоря на лодке через реку Великую, близ Пскова. Вот тут-то и понравилась Игорю красавица, и он взял ее в жены.

К интересным произведениям середины XVI века относится «Домострой»; его создание приписывается Сильвестру, священнику Благовещенской церкви в Кремле. «Домострой» поучал, как «строить» дом, то есть как вести хозяйство, как вести себя в домашней жизни, как чтить главу семьи и прочее. Нравы в те времена были очень суровыми, и впоследствии слово «домострой» стало означать крайнюю строгость в семейной жизни, деспотизм главы семьи. В книге много ярких бытовых зарисовок, приведенных в качестве образца поведения членов семьи.

По велению Ивана Грозного все местные летописи были собраны в несколько обширных томов, позже названных Никоновской летописью по принадлежности одного из списков патриарху Никону (XVII век). Было предпринято составление и огромной иллюстрированной, как тогда называли «лицевой», летописи («лица» — иллюстрации); она начиналась с событий всемирной

истории, за которой, как ее естественное продолжение, следовало изложение истории Руси.

Необходимость единообразия в книгах, особенно в церковных, а также потребность в большом количестве книг для новых церквей в обширных землях, присоединяемых к Русскому государству, привели к началу книгопечатания. Первопечатник Иван Федоров и его помощник Петр Мстиславец выполняли свое дело с исключительной тщательностью. Их издания были образцовыми и по внешнему оформлению (красивый шрифт и орнамент, хорошая типографская краска), и по качеству подготовки текста.

В первую половину царствования Ивана Грозного были проведены многочисленные преобразования, созданы единые собрания законов, «судебники», перестроено войско, проведены социальные реформы. Все это вызвало большое оживление общественной мысли. Люди разных сословий — бояре, духовенство, служилые люди — обращались к царю с предложениями общественного переустройства. В их сочинениях сказывалась вера в силу разума, в возможность улучшения общества на основе разумных начал, в них остро ставился вопрос об ответственности государя перед народом. Высказывались и весьма крайние взгляды. Так, Ермолай Еразм в середине XVI века утверждал, что основа общества — крестьяне: они дают людям хлеб. Он писал об обидах и мучениях, которые терпят крестьяне. Другой писатель того же времени — Иван Пересветов предлагал отменить холопство и кабалу, ибо лишь свободный человек может быть хорошим воином. Он ратовал за то, чтобы выдвигать людей на высокие должности не по родовитости, а по способностям. Пересветов рисовал образ идеального государя, безраздельного властителя своей страны, отца своих верных слуг, строящего государство на правде; «Коли правды нет, то и всего нет»; идеалом же Пересветову представлялась Турецкая империя: Турция в те времена была одной из самых могущественных держав и казалась образцом не только Пересветову, но и многим западноевропейским писателям.

Сам царь Иван Грозный обращался к литературе, чтобы объяснить и оправдать свои действия. Он невольно как бы отчитывался перед народом. Ему принадлежат послания бежавшему в Литву князю Курбскому, послание в Кирилло-Белозерский монастырь, письмо опричнику Василию Грязному, дипломатические послания польскому королю Стефану Баторию, английской королеве Елизавете и многие другие.

Иван Грозный отличался образованностью и обладал литературным талантом. Его произведения написаны с большой страстностью, по словам князя Курбского: «Со многою яростию и лютостию». Царь не стеснял себя никакими литературными

правилами: он пересыпал послания длинными цитатами из разных сочинений, свободно перемежал приподнятую речь, пышные славянизмы с грубым просторечием. Отстаивая свои убеждения, он едко насмеялся над противником, угрожал, иногда раздражался и бранью. Всеми средствами царь защищал права «самодержца всея Руси» и права Русского государства.

Не менее талантлив был и его идейный противник, князь Андрей Курбский, сражавшийся под Казанью, а перед своим бегством в Литву возглавлявший русские войска в Ливонии. Из Литвы Курбский направил два послания Грозному; там же он занимался и литературной работой. В частности, ему принадлежит «История великого князя Московского», в которой он подробно описал царствование Ивана Грозного. Произведения Курбского отличаются стройностью, сильной эмоциональностью и логической убедительностью. Но они не менее субъективны и пристрастны в своих оценках, чем произведения царя.

Ко времени царствования Грозного относятся и многие другие сочинения. Среди них особенно выделяются «Казанская история» — история Казанского царства и его присоединения к России, и «Повесть о приходе на Псков польского короля Стефана Батория», написанная псковским изографом (художником) Василием. В повести рассказывается о героической обороне Пскова, которая заканчивалась снятием осады и заключением мира.

В конце царствования Грозного литературная жизнь замерла в стране. Новый подъем литературы наступает в первой четверти XVII века. В начале столетия разыгрались события так называемой Смуты. После смерти Федора, сына Грозного, не было прямых наследников. Началась борьба за престол, поднялись крестьянские восстания, а затем — вторжение Польши и Швеции. Народное ополчение во главе с Мининым и Пожарским совершило патриотический подвиг освобождения родины. Бурные события потребовали литературного освещения. Появляются различные сочинения с описанием и истолкованием Смутного времени. Некоторые из этих сочинений могут рассматриваться как воспоминания о пережитом. Многие авторы сознавали значительность этих лет в жизни России и понимали, что они должны быть описаны и сохранены для потомства. Другие задумывались над причинами, вызвавшими трагические события, видели эти причины в неправде, в обмане, в «безумном всего мира молчании». Современники писали обстоятельные истории России конца XVI — начала XVII века или истории отдельных эпизодов Смуты. Наиболее известны из этих сочинений «Сказание» Авра-

амия Палицына, «Новая повесть о преславном Российском царстве», «Повесть о кончине и погребении князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского», «Временник» дьяка Ивана Тимофеева и многие другие.

Сочинения о Смутном времени сыграли большую роль в развитии русской словесности. Впервые в русской литературе ярко была представлена роль народов в исторических судьбах страны и обрисованы характеры действующих лиц.

В литературе XVII века обозначились уже черты литературы нового времени. Заметно распространяется в эти годы грамотность не только среди городского населения — купцов, ремесленников, но и среди крестьян. Появляется новый читатель. Из городской посадской среды выходят и писатели. Происходит демократизация литературы. Писателей и читателей привлекают не столько выдающиеся события и выдающиеся личности, сколько обыденная жизнь, простые люди, люди самого незнатного происхождения, ничем не примечательные, ничего не совершившие для истории. У этих героев часто и имени-то нет, а называются они просто «богатый», «убогий», «бразжник», «купеческий сын», «голый и небогатый человек». Если же у них и есть имя — например, Фома и Ерема, Карп Сутулов, поп Сава, то эти имена не принадлежат истории.

В этих повестях нет назидательности, но в них много юмора. Автор смешит читателя хитроумными проделками бедняка, который ловко обманывает и своего богатого брата, и священника, не пригласившего его к столу, и корыстного судью. «Повесть о Ерше Ершовиче» или «Судное дело, как тягался Лещ с Ершом, о Ростовском озере и реках» рассказывает о ловкости Ерша, о его плутовстве и не всегда безобидных проделках.

Общей злой судьбе бедняков посвящена «Азбука о голом и небогатом человеке», где на каждую букву приводится пример злочастия бедняка. Вот начало «Азбуки»:

А. Аз есмь наг и бос, холоден и голоден, всем недостаточен.

Б. Бог мою душу видит, что взять мне негде, а люди не дают.

В. Видал я в Новограде доброго человека, да постыдился просить.

Г. Говорил мне на Москве добрый человек, посулил мне денег взаем, да не дал».

Бытовые повести XVII века близки подобным же повестям-новеллам, возникшим в городской среде на Западе. Они назывались фацетиями. «Фацетия» — латинское слово и означает «шутка». У нас западноевропейские повести, в которых действуют герои, принадлежащие к средним слоям феодального общества, были известны в переводах с польского языка. В большей части фацетий рассказывалось о ловких проделках и забавных приклю-

чениях крестьян или горожан. Таких переводных повестей было великое множество.

Наряду с ними переводились и краткие нравоучительные речения из польского сборника «Апофегмата». «Апофегмата» является подбором метких слов и остроумных ответов, приписываемых философам, политическим деятелям и писателям Греции и Рима.

Некоторые из приводимых в сборнике речений напоминают пословицы или афоризмы: «Егда обогатеешь, не спесився, а егда обнищашь, не скорби», «Лучше егда ты один добрый хвалит, нежели много злых».

Но простой читатель любил не только бытовые повести, переводные или отечественные, он любил и повествования героического характера — например, исторические повести о завоевании Сибири Ермаком, об Азовском осадном сидении казаков. В этих исторических повестях сказалось новое отношение к человеку. Героями истории оказываются люди незнатные, те, кто выступил как огромная сила в Смутное время. Так, героем всех повестей о завоевании Сибири был простой казак Ермак «с товарищи». Ермак завоевывает Сибирь, затем дарит «Сибирское царство» русскому государю.

Удаль казацкая, размах чисто русский, отразившийся в Сибирских летописях, и делали их особенно привлекательными.

Героями многочисленных повестей об Азовском осадном сидении были сами казаки, простые вонны, «богатыри святорусские». Одна из повестей — «Поэтическая» — написана по-фольклорному, в народных выражениях и образах. Казаки отбивают все турецкие нападения и приглашают турок на новый приступ, обещая «подбивать, чем у нас, молодцов, бог послал в Азове-городе». Они, насмехаясь, обещают и сами прийти к турецкому султану «служить ему, царю, пищальми казачьими да своими сабельками вострыми».

В литературе XVII века, как и в более древней, рисовались также и идеальные герои. Однако в противоположность произведениям более раннего времени они не играли в истории никакой значительной роли и не занимали высокого общественного положения. Поэтому читатели находили между собой и ими какую-то близость, сходство; читатели могли жить их жизнью, чувствовать то, что они чувствуют, думать, как они, и переживать вместе с ними их радости и горести. Их пример, хотя и высокий, был вполне досягаем для рядового человека. Такова героиня «Повести о Юлиании Осоргниной», жизнь которой описал ее сын Дружина Осоргни. Юлиания была хорошей хозяйкой с сильным, волевым характером. Она много работала по дому; иногда всю ночь не угасала ее свеча, но она не пользовалась своими богатствами для

себя, а вела строгую, замкнутую жизнь. Юлиания принимала и кормила нищих и странников, во время голода освободила своих слуг и раздавала все, что могла, нищим и окрестным жителям. Но свою суровую жизнь она стремилась скрыть от окружающих. Устраивая обеды по воскресеньям, она, чтобы не смутить гостей, не показывала виду, что сама почти не ест.

К лучшим повестям XVII века принадлежит лиричная «Повесть об отроке Тверского князя». Тонким благородством своих образов она напоминает «Повесть о Петре и Февронии Муромских».

В центре обеих повестей сказочный, чисто народный образ «мудрой девицы», умеющей отгадывать мысли других людей и провидеть будущее. Обе повести глубоко человечны. Но «Повесть об отроке Тверского князя» — произведение типичное именно для XVII века. Она реалистичнее, в ней сильнее отражен окружающий быт, меньше чудес, большое внимание уделяется чувствам человека.

К литературе демократических слоев населения довольно близко примыкает творчество замечательного русского писателя середины и второй половины XVII века — протопопа Аввакума. Его главное произведение — автобиография, «Житие». Аввакум был ревностным блюстителем древнего русского церковного обряда, вождем раскола. Он горячо выступал против церковных реформ патриарха Никона, против царя и государства, за что и прожил жизнь, полную мучений. В 1682 году в Пустозерске, на севере России, он был сожжен «за страшные на царский дом хулы». Как писатель Аввакум был редким мастером слова. «Люблю свой природный русский язык», — заявлял он. Аввакум писал просто, горячо и искренне, как говорил. Иногда он прибегал к юмору, к простому разговорному языку, иногда к высокой церковной речи, пышной и торжественной. В его «Житии» много ярких бытовых картин, метких сатирических характеристик сторонников церковных реформ Никона.

В XVII веке значительно увеличилось количество произведений, переводимых с западных языков. Помимо бытовых новелл, фацетий, переводились большие сборники рассказов с нравоучительным содержанием: «Римские деяния», «Великое зеркало», «Звезда пресветлая».

Среди переводов мы находим и произведения совсем иного рода: рыцарские романы, примерно такие, какими зачитывался Дон Кихот. В рыцарских романах рассказывалось о дальних странствиях и о приключениях королевичей и королевен, рыцарей и благородных дам. Наиболее любимой была «Повесть о Бове королевиче». Кровопролитные сражения, погони, переодевания, вероломства, коварные измены и стойкая любовь — все это при-

влекало читателей. Повесть была широко известна вплоть до начала XX века. А. С. Пушкин заимствовал из нее имена для героев своих сказок — царь Дадон, царь Салтан, князь Гвидон. Помимо повести о Бове большой популярностью пользовались «История о храбром рыцаре Петре Златых Ключей и о прекрасной королевне неаполитанской Магилене», «Повесть о Василии королевиче Златовласом Чешские земли и о Полиместре ево, прекрасной королевне Франчюжской», «Об Оттоне цесаре римском и о супруге его цесаревне Олунде». Длинные названия повестей дают некоторое представление об их героях, а заодно и о содержании.

Влияние переводных произведений сказалось и на некоторых произведениях эпохи царствования Петра, но герои наших отечественных приключенческих повестей занимают более скромное положение в обществе. Таков, например, матрос Василий из «Истории о российском матросе Василии Кориотском», который только благодаря своему бесстрашию и ловкости поднимается на высокую общественную ступень.

Совершенно самостоятельного происхождения, лишены какого бы то ни было западного влияния — две приключенческие повести: «Повесть о Савве Грудцыне» и «Повесть о Фроле Скобееве». В первой рассказывалось о том, как купеческий сын Савва продал свою душу дьяволу и что из этого вышло. Савва путешествует, служит в войсках царя Алексея Михайловича, пользуясь помощью слуги-беса. Во второй повести говорится о ловкой женитьбе плута Фролки Скобеева на богатой дочери стольника Ордына Нащокина.

Развивается в России и стихотворство. Первые стихотворения писались польским силлабическим стихом. Ударения в этом стихе не принимались в расчет, а только — число слогов. По жанру это были послания, прошения, приветствия, славословия, описания какого-нибудь любопытного явления из жизни человека или природы.

Наиболее известным стихотворцем второй половины XVII века был выходец из Белоруссии Симеон Полоцкий — ученый монах и просветитель. В 1664 году он переехал в Москву и стал придворным поэтом и наставником детей царя Алексея Михайловича.

Свои многочисленные стихи Симеон Полоцкий объединил в несколько сборников. Первый был назван им «Вертоград многоцветный». Вертоград — означает сад. Сборник действительно можно уподобить пышному саду, полному самых разнообразных, часто редкостных цветков. Здесь мы встречаем представителей общественных групп того времени — такие стихотворения, как «Купецтво» (купечество), «Монах», носят изобличительный и

назидательный характер. В этом вертограде мы найдем людей разных возрастов: «Дева», «Жена» и другие. Здесь же собраны стихотворения о животных: «Лев», «Крокодил», «Хамелион», «Слон нелеполичный», «Велблуд горбатый». Есть стихи об исторических лицах и о героях греческой мифологии.

В сборник включены и стихотворные анекдоты, то есть короткие повести. Таковы повести о невинно оклеветанной царице («Клевета») или о Семирамиде, воцарившейся обманом и обезглавившей царя («Жена»).

Всем стихотворениям Симеона Полоцкого присуще назидание. Цель автора — не только просвещать и сообщать образовательные сведения, но и поучать. Например, в небольшом стихотворении «Худородие помнети» он пишет о некоем архиепископе незнатного, «худородного» происхождения. Заслужив «честь велику, богатство и славу», архиепископ стал бояться, как бы «в городости не вознести главу». Чтобы постоянно помнить свое происхождение, он велел изобразить в своем доме и на печати колесо — отец его был «делателем» колес. Восхищаясь сим мужем, Симеон Полоцкий восклицает: «Ныне есть ли тако? Велиции знают ли худость свою?» И отвечает: «Никако».

Симеон Полоцкий часто обращался к сюжетам западноевропейских легенд, таково, например, его стихотворение «Казнь за сожжение нищих» о смерти епископа Могунтийского. Интересно, что этот сюжет в XIX веке был использован В. А. Жуковским в балладе «Суд божий над епископом», где епископ назван Гаттоном.

Как придворный поэт, Симеон Полоцкий писал стихотворения на различные события придворной жизни — на рождение царевича Петра Алексеевича, будущего царя Петра I, венчание на царство Федора Алексеевича и другие. Его хвалебные вирши предваряют торжественные оды М. В. Ломоносова и других поэтов XVIII века.

Панегирические стихотворения, написанные «в благодарствие, похвалу и привет», Симеон Полоцкий собрал в сборник «Рифмологион». Основная тема сборника — тема величия Русского государства. Симеон прославляет мудрого и просвещенного государя, который заботится о просвещении своих подданных. Он пишет, что мало, если царь мудр, а подчиненные лишены мудрости:

Мало есть царю мудру быти,
А подчиненных мудрости лишити.

Поэт ратует за распространение наук и просвещения. Ему принадлежит проект создания первого в России высшего учебно-

го заведения, которое открылось вскоре после смерти Симеона под названием Славяно-греко-латинской академии. Академия предназначалась для людей «всякого чина, сана и возраста». Возглавляли ее ученые греки братья Лихуды. В этой академии в 1731—1735 годах учился М. В. Ломоносов. «Врата учености» для Ломоносова была рифмованная «Рифмотворная Псалтырь» Симеона Полоцкого. Так протягивались нити к русской литературе XVIII века.

Новым явлением в русской культуре было создание театра современного типа: со специальным помещением для представлений, с профессиональными актерами, с написанным текстом. Знаменательно, что рождение театра совпало с рождением царевича Петра I, которому впоследствии суждено было ввести так много новшеств в русскую жизнь. Петр I родился 30 мая 1672 года. Его рождение решили в царской семье отпраздновать по-новому. Обратились в Москве в Немецкую слободу, там пастор Грегори собрал труппу в 60 человек и начал постановки в селе Преображенском. На следующий год был построен и другой театр — в Кремле. Первые спектакли шли на немецком языке, но вскоре была организована русская труппа актеров. Вот названия нескольких пьес, текст которых дошел до нас на русском языке: «Артаксерксово действо», «Иудифь», «Комедия о Тамерлане» (или «Темир-Аксаково действо»), в отрывках дошли тексты пьес «Комедия об Адаме и Еве» и «Комедия об Иосифе». Театр просуществовал четыре года, после смерти Алексея Михайловича (1676) он был закрыт. В правление сестры Петра I — царевны Софьи — театр, видимо, возобновил свою деятельность, но постоянным явлением русской жизни он стал только при Петре I.

Итак, мы видим, что литература XVII века разнообразна и по содержанию, и по жанрам, и по форме. Все это ярко свидетельствовало о готовности русских писателей перейти на пути, типичные для искусства слова нового времени, воспринять наивысшие достижения европейской литературы и создать свои произведения, которые равнялись бы лучшим образцам мировой поэзии, драматургии, художественной прозы, публицистики.

И действительно, в XVIII веке русская литература дала миру Ломоносова, Сумарокова, Державина, Фонвизина, Радищева.

Древнерусская литература ценна и своими собственными художественными достижениями и тем, что она подготовила появление великой русской литературы нового времени. Знание древнерусской литературы помогает полнее и глубже понять литературу XIX—XX веков.

Но ценность древнерусской литературы не только в этом.

Она для нас — тот чистый и живительный источник, к которому мы обращаемся в години бед и испытаний, «во дни сомнений и тягостных раздумий», равно как и в эпохи подъема. Мы черпаем из нее глубокие мысли, находим в ней высокие идеалы, прекрасные образы. Ее вера в добро и победу справедливости, ее горячий патриотизм укрепляют и воодушевляют нас. М. В. Ломоносов называл русские летописи «книгами славных дел». Это же можно сказать о большей части древнерусских повестей.

*Д. С. Лихачев,
Т. Н. Михельсон*